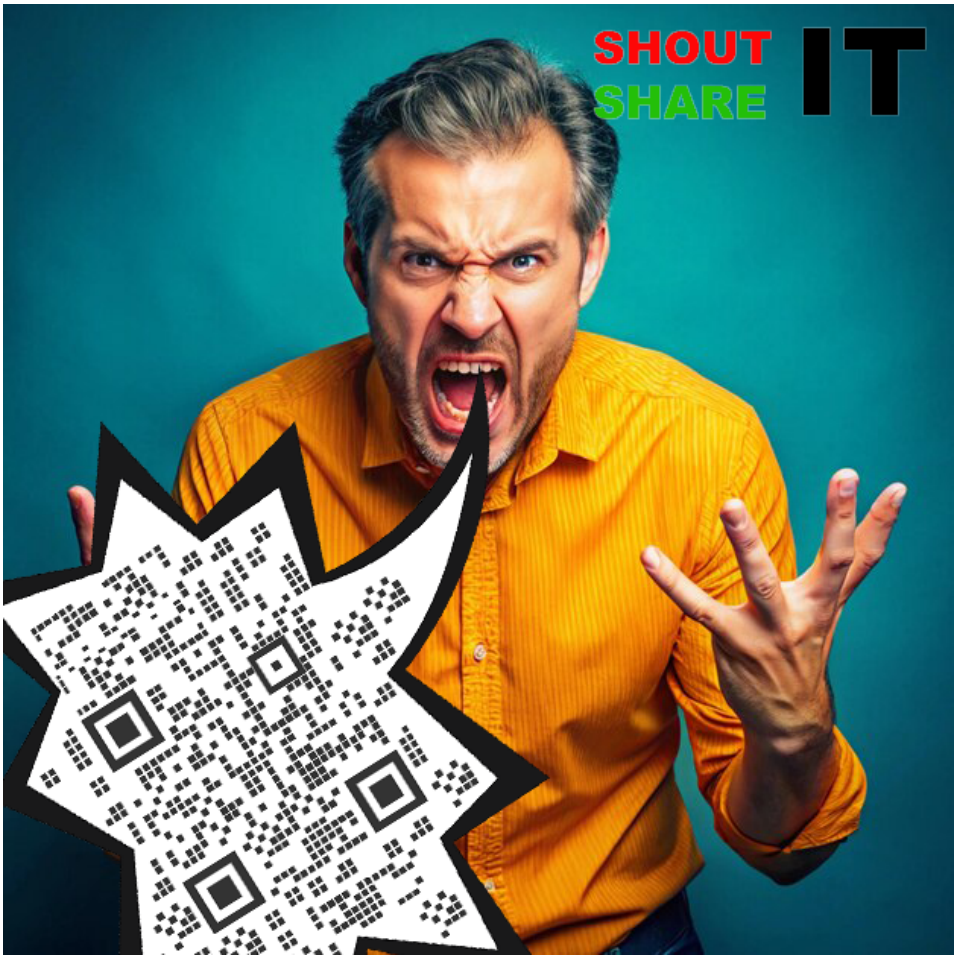
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Интервью

- Валерия Новодворская

Валерия Новодворская “Диагноз — маниакально-депрессивный психоз”

— Американские коллеги, с которыми я работаю, недоуменно спрашивают: Что за страна такая — огромная территория, ресурсы, народу много, а толку мало? Иногда, в шутку, говорю: земля эта не под теми звездами расположена. Порой задумываюсь — а шутка ли это? Валерия Ильинична, как поставить правильный диагноз?

— Ну диагноз, я думаю, — маниакально-депрессивный психоз. Страна поочередно впадает то в маниакал, когда ей кажется, что она великая, что лучше ее в мире нигде нет, что уровень жизни у нее высокий, что президент у нее замечательный, и что она, как говорится в песне, сочиненной еще при Сталине, “от Москвы до самых до окраин”… Вот это классический вариант маниакала. Блок “Родина” это тоже классический маниакал, а также ЛДПР: “На всех них нейтронную бомбу бросим, всех разгоним, всех расстреляем…”.

— Действует старая методика: нет человека — нет проблемы.

— Они теперь это иначе формулируют. Но проблем у них действительно нет, потому что они видят только чужие проблемы, как по Евангелию: в чужом глазу замечают соринку, в своем бревна не видят.

А дальше начинается депрессивная фаза. Начинается с того, что блокам или индивидуумам, политическим партиям или президентам кажется, что все Россию обижают, что против нее существует заговор, что Соединенные Штаты только спали да видели, как бы развалить Советский Союз (будто им и делать больше было нечего); что существует даже целая концепция в США как надо было дробить сначала Советский Союз, а теперь речь идет о раздроблении России, якобы это еще ведомство Аллена Даллеса придумало. (Хотя именно Путин своей войной в Чечне и стал дробить Россию). Отдельно взятым маньякам, которых довольно много в России — 80 % (потому, что в России именно столько русских проживает), — кажется, что их обижают в собственной стране, что их заедают то чеченцы, то евреи, то еще кто-нибудь, и они, естественно, начинают защищаться со слепу. В подобном настроении страна переходит от плаксивости к агрессии. Разумеется, невозможны никакие разумные действия.

— На чем же стоит, по каким правилам рулит Россия?

— Вообще, концепции, на которых стоит Россия, традиции — всегда возобладали, начиная с момента создания Советского Союза — ордынская, византийская, “Дикое поле” (не правовая традиция), скандинавская (западническая; была совершенно подавлена), и славянская традиция. Последняя, к сожалению, действует постоянно, она-то и противоречит частной собственности, рыночной экономике, противоречит индивидуальному усилию, и заставляет все сбиваться в некую протоплазму, в некий кон. Ну а византийство пришло вместе с православием и едва ли от него можно будет избавиться, по крайней мере, что-то не получается. Психология московской орды — это имперская составляющая России, это как раз и есть то, что сделало ее империей зла, от чего она никак сейчас отстать не может.

Так что, думаю, звезды нормальные. К сожалению, под этими звездами живут не совсем нормальные, не лучшие представители рода человеческого. А лучшим представителям приходится отсюда или бежать, или их растаптывают, или вот они сидят сейчас в “Матросской Тишине”.

— И еще сценарий, который я сам прокручиваю: взяли бы всех россиян и разом поместили в благоустроенную, обеспеченную Америку — чтобы тогда здесь, в Америке, было бы, чтобы у них получилось под нашими звездами?

— Проводить такой эксперимент по одному можно — чтобы перевоспитать каждого в здоровом американском коллективе, а если всех сразу — то, как саранча, могут заесть Америку.

— Говоря об обществе в целом, какой Вам видится Россия? Стоит ли говорить о гражданском и правовом сознании россиян, воспитанных имперской Россией, затем коммунистическими и посткоммунистическими империалистами с одной лишь столбовой идеей: нельзя жить “без царя в голове”. Может народ “генетически” не готов, может произошла какая-то мутация за последние столетия, а может быть такая неадекватность мышления вообще присуща русскому уму — как о том печально заметил Нобелевский лауреат академик Павлов? (*И.П.Павлов. Об уме. "РГ", № 11 2003*)

— Не исключено. Я вам говорила о традициях, которые существуют в российском сознании — пять традиций. Из-за этих традиций провалились все модернизации, все попытки вестернизировать Россию. Самая глубокая, самая далеко зашедшая попытка — та, которая проваливается уже сейчас. Пока ничего не получается, пока только отдельно взятые россияне так

мыслят, но их всего-то 5 %. Это количество не очень меняется с того момента, как проходили выборы в Учредительное собрание в 1917 году. За кадетов тогда проголосовали 5 %. Вот эти 5 % составляют базу Союза Правых Сил. Это западники, это люди, обладающие совершенно современным цивилизованным сознанием. Это люди, которые действительно могут и хотят жить как Соединенные Штаты, хотят стоять на собственных ногах, ничего не просить у государства. У них есть чувство собственного достоинства. Они превыше всего ставят благо свободы. Вот эти 5 % тащат Россию на себе, но, похоже, им надорваться прийдется, потому что все остальные им совершенно не помогают, а только, как жернов, висят у них на шее. Вы же видите — на ваших глазах, освобожденная Ельциным худо-бедно от коммунизма Россия проголосовала до 50 % на президентских выборах, и сейчас на парламентских выборах также проголосовала за самые зверские партии, за партии, которые в цивилизованных странах вообще бы к выборам не были допущены, типа “Родины” и ЛДПР.

Да, не исключено, что произошла мутация.

— Судя по Вашей оценке, Вы разделяете мнение Юрия Афанасьева о том, что октябрьский переворот был реакцией, скорее, не большевистского характера, а реакцией на попытки русской элиты вестернизировать жизнь общества в противовес дремучему традиционалистскому коммунистическому сознанию России.

— Книга Юрия Афанасьева называется “Опасная Россия”. Моя книга о философии русской истории называется “Мой Карфаген обязан быть разрушен”. Под Карфагеном понимается Россия. К сожалению, это именно так: большевизм отвечал ее глубинным подтекстам.

— Стоило ли проводить декоммунизацию России после падения режима, как была проведена денацификации фашистской Германии, что происходят сейчас и в Ираке с бывшей правящей партией Баас и ее членами? Ведь, по сути, никто ни за что в России не понес никакой ответственности, ни политическое руководство, ни экзекуторские круги, хотя непосредственно виноваты, разумеется, были не все.

— Если бы в свое время американские ученые не поделились секретом атомной бомбы с советской властью, а спецслужбы США лучше стерегли ядерные секреты, то у Советского Союза не было бы атомного оружия и можно было бы проводить декоммунизацию теми же способами, какими были проведены и соответствующие процедуры над имперским сознанием Японии и Германии. Т. е. здесь понятно, что надо делать: “Нюрнбергский процесс”, оккупация. — Россия недееспособна, она не может сама

себя вытащить за волосы из болота, но для того, чтобы ее модернизировать, нужна внешняя сила, и военная сила. Как Саддам Хусейн сам добровольно никогда бы не ушел, его невозможно было свергнуть, точно так же и в России нужны подобные приемы, но из-за наличия атомного оружия, из-за огромной территории, это технически невозможно, боюсь, даже для США. Пока не сняты боеголовки, едва ли кто-нибудь прийдет нам помогать, хотя нашлись бы желающие встретить с хлебом и солью, я бы и каравай им заготовила.

— Есть ли в России необходимые конституционные и правовые механизмы для оппозиции противопостоять неконституционной практике правительства, прокуратуры и всего истэблишмента (если таковые имеются) — так, как это делается, например, в США или, скажем, в маленьком Израиле?

— На сегодняшний день конституция России наполовину списана с конституции США. Это хорошая конституция, только она не в пору стране. Конституция-то как раз и подходит западникам — Союзу Правых Сил и другим. Но те, кто сейчас правит страной, плевать хотели на конституцию, они ее нарушают направо и налево. Сколько раз была нарушена конституция президентом Путиным, мы уже считать устали. Т. е. судебная власть и, так называемая, законодательная власть еще в прошлом парламенте (который был несколько лучше нынешнего) взяла да отменила беловежские соглашения. Это был совершенно маниакальный акт. Это все равно как Англия сейчас взяла бы в Палате лордов и Палате общин и отменила акт о независимости США, и заявила, что США по-прежнему являются колонией Великобритании. — Это равносильно. Надо быть окончательным маньяком, чтобы принимать такие документы. Заметьте, это предыдущая Дума, не нынешняя сделала, что примет нынешняя — подумать страшно.

Так что, как видите, все ветви власти и большая часть народа и наличием конституции абсолютно не озабочены. Не они ее писали, они ее приняли, правда, прочитать забыли. Конституционные механизмы, к сожалению, не могут действовать. Конституция не является выбором народа, если она не является сущностью его, его группой крови, как в США. Получается так: конституция сама по себе, страна — сама по себе.

— Верите ли Вы в возможность объединения правых сил для решения главных задач — легального конституционного и правового противостояния власти? Видите ли Вы такие силы в сегодняшнем политическом бомонде России? Какие политические силы и движения наиболее близки Вам?

— Когда речь идет о России, здесь лучше не говорить о силах, которые способны противостоять, потому что это, скорее, бессилие. Их поддерживает меньше 10 %, в соотношении 1 к 10, причем “Яблоко” — это абсолютно не-правая сила, далеко даже не демократическая партия США, это, в лучшем случае, немецкие социал-демократы, только они при этом еще совки вдобавок и люди очень малодушные, привыкшие к тому, к чему привыкла советская интеллигенция: к сотрудничеству с властью, и привыкшая получать незаработанное. Так что менять чтобы-то ни было нужно умеючи. Сейчас не партии надо создавать, в России не та ситуация, все силы здравого смысла оказались вне парламента, так что о парламентской, конституционной деятельности и речи нет. Здесь нужен общий фронт сопротивления, сопротивления тому, куда катится страна, сопротивления настоящему фашизму, к которому часть власти уже пришла.

— Есть информация, что после выборного блефа в парламент Кремль принялся утешать не прошедших, предложив целому ряду представителей СПС и Яблока разные должности в правительстве. Насколько это соответствует действительности?

— Естественно, власти хотели бы сейчас всех замазать и всех употребить, чтобы было все как при советской власти, т. е. общенародное государство, общенародная собственность и круговая порука.

— Представители президента заявили, что это делается, дабы оппозиционным силам дать возможность участвовать в общем процессе, высказывать свои взгляды и претворять их в жизнь.

— На самом деле это для того, чтобы сделать оппозицию соучастницей, чтобы оппозиции просто-напросто не было. Но, кажется, на этот раз не получается, потому что уже принято решение на демократическом совещании — бойкотировать президентские выборы, у демократов не будет своего кандидата, т. е. сейчас мы будем пытаться осуществить идею, которую мы, диссиденты, осуществляли при Советах — несотрудничество с властью, безусловно — неучастие в правительстве, не участие даже в президентских выборах, т. е., чтобы ни делала власть — не помогать, не участвовать, не соучаствовать. В свое время была идея несотрудничества с большевиками, если бы интеллигенция не пошла на службу к большевикам, то и сов. власти не было бы, не пришлось бы решать эти вопросы сейчас. Но здесь, конечно, будет очень много крыс, которые побегут с корабля. Они готовы сотрудничать хоть с Гитлером, хоть с Муссолини, хоть со

Сталиным. Такие, как Никита Михалков — классический пример.

— Кстати, как Вы считаете, если так будут разворачиваться события, хватит ли у Путина сил снова загнать людей в сталинское время, если он того пожелает?

— В сталинское время загонять не надо, потому что сталинское время имело дело, и Сталин имел дело, с еще не построенной страной. Он имел дело с крестьянами, которые привыкли работать каждый на своем наделе, с индивидуальными собственниками, он имел дело с еще не согнутой интеллигенцией. Собственно, тогда только начиналось время растаптывания человека, переделка человеческого материала. Для того, чтобы выработать советский народ, для того, чтобы произвести "совков", понадобились дикие меры, совершенно чудовищное насилие. А Путин имеет дело с советскими людьми, которые строятся по первому требованию, только одиночки отказываются. Здесь не нужны сталинские репрессии, здесь достаточно будет брежневских. Вот Ходорковского посадили, бизнес забастовку не устроил, биржы не закрылись. И собираются палаты и Путина встречают аплодисментами, и никто не отказывается с ним сотрудничать. На самом деле, подобный арест должен был бы встретить коллективный протест бизнеса на уровне отказа работать в стране.

— Есть ли в охоте на олигархов, на Ваш взгляд, национальный момент или он всецело отсутствует, как утверждает Путин? Почему согласно детской считалочке на этом же “золотом крыльце” не смогли рядом с Березовским, Гусинским, Ходарковским, поместиться господа Черномырдин, Потанин, Лужков и иже с ними?

— Ну, во-первых, господин Лужков лакей по своему характеру и готов лизать власти ее янычарские пятки. Он только с Ельциным не дружил в последнее время, потому что Ельцин был великодушен, и чувствовалось, что сажать он никого не собирается. Вот поэтому Лужков немедленно стал говорить о своей собственной кандидатуре на президентских выборах. Но в случае с Путиным он понимает с кем имеет дело. Он понимает, что это гос. безопасность, он понимает, что это насильники, военные преступники, что это зло весьма вооруженное и весьма опасное. Поэтому он согнулся первым. Потанин тоже все понял и никуда не лез.

Конечно, национальный момент здесь есть, потому что власть сейчас работает на примитивных комплексах, желудочных, нажимает на клавиши безусловных рефлексов, а антисемитизм в России это безусловный рефлекс. Но больше всего здесь того, что Березовский посмел сопротивляться, а Гусинский посмел свои

СМИ сделать независимыми, а Ходорковский решил, что, если он честно заработал деньги, то он имеет право тратить их как угодно и финансировать те партии, которые он считает нужным финансировать. Больше всего — это кара за независимость.

— И за смелость, добавлю. Евреи оказались не из трусливого десятка по сравнению с другими. Я упомянул имя Черномырдина. Вот такой он товарищ с добрыми маслянистыми глазами. — Как с ним? По подсчетам, сделанным несколько лет назад, он считался одним из самых богатых людей в мире. Кстати, из-за него Альберт Гор в последней президентской гонке в США имел немало неприятностей: ему ставили в вину, что помощь, выделенная России под председательством комиссии Гора-Черномырдина, была там разворована…

— Черномырдин благополучно слинял в Украину, и, видимо, оттуда высовываться не собирается. Так что, можно сказать, приплыл к чужой пристани.

— И другие институции государства российского. Как Вы оцениваете роль Русской Православной Церкви как общественного института? “Богу — богово, кесарю — кесарево”. — Насколько нынешняя церковь верна этому принципу?

— Ну, это вообще не церковь, это подразделение власти для ее обслуживания. Я абсолютно уверена в том, что иерархи православной церкви не верят в Бога, и верят они исключительно во власть, любую, какую им Бог или дьявол, скорее, пошлет. Они — обслуга, такая же, какой были лакеи Барсуков и Коржаков. Роль крайне реакционная. Во-первых, они благославили войну в Чечне, во-вторых, по сравнению с другими религиями, они хотят проходить с помощью установления государственного монополизма, будто собираются переделить еще и небеса. Они враждебно относятся даже к собратьям-христианам — протестантам, католикам. Просто психология какая-то варфоломеевской ночи, а про мусульман я уж не говорю, как они к ним относятся, или там к буддистам. Церковь пытается, где только возможно, уменьшить свободу в стране и в области средств массовой информации, и в области образования. Она претендует на то, чтобы быть идеологической базой государства, но такой — на уровне инквизиции. По своей психологии она ближе всего к испанской инквизиции.

— В принципе намерения эти очень созвучны деяниям власти, а церковь, в некотором плане, хочет принять на себя роль религиозной партии, более того, стать каким-то решающим и довлеющим органом.

— Алексий II недалеко ушел от аятолл иранских, просто другие формы выражения.

— Как человек близкий к литературе, театру, можете ли Вы сказать, что литература и искусство как-то помогают сегодняшним бедам России?

— Как всегда, при советской власти тоже были конформисты искусства. Вот как Ленком был оппозиционным театром, так он и остался, как Таганка была таковой, так она и осталась, как писатели когда-то группировались вокруг журнала “Метрополь”, так сейчас есть Пен-клуб — либеральные писатели как раз к нему и относятся. Ну а те, кто обслуживает власть — они толпятся на ступеньках трона, как Никита Михалков, как Зураб Церетели. Мы находимся сейчас в интересном периоде, когда творческую интеллигенцию пока не сажают и она может устраиваться сообразно своим вкусам. Но очень не многие готовы стоять в стороне от власти и с ней враждовать.

— И все же, видите ли Вы в России сейчас нечто такое, что возрождается, становится существенно лучше, искренне радует?

— Сейчас началась реакция, сейчас идет процесс деградации, и идет достаточно быстро. Как будто кто-то стирает резинкой то, что получила Россия в ельцинское время. Т. е. идет, на самом деле, обратный процесс.

— Что наиболее важное, на Ваш взгляд, происходит вокруг России?

— Во внешней политике Россия, как всегда, лицемерна и антизападна, ее отношение к США совсем не искреннее. На месте президента Буша я не стала бы деньги тратить на Владимира Путина, потому что чем сейчас Россия занимается, это, по сути дела, натравливание Европы на США, правда, делается это исподтишка, плюс сознательное разжигание антиамериканских настроений в стране. Повредить, правда, США, учитывая соотношение сил, Россия сегодня не может, но никакой любви к американским ценностям, к Америке она не испытывает. Те, кто сейчас у власти, включая президента Путина, до поры до времени, вынуждены это скрывать, они просто ненавидят Соединенные Штаты и свободу, на которой те стоят. Просто для России сейчас время, когда она не может больше размахивать ядерными боеголовками и, учитывая ее экономический потенциал, не может больше насиловать, она примазывается. Конечно, в “восьмерке” ей совершенно не место, давно пора ее оттуда вышвырнуть: никто ни в чем не раскаивается, руки даже не моют, когда являются на заседания “восьмерки”, они и так в крови независимого бизнеса. Не следует забывать, что в России

реакция началась с того, что стали закрывать телевизионные каналы, т. е. просто-напросто за один-полтора года полностью уничтожили независимые электронные СМИ. Они уже все перестроены, экран у нас вспыхивает уже в “нужном” направлении, “Эхо Москвы” только осталось.

— Добавлю ко всему этому списку. Даже до США ручки дотягиваются. Проявляется это в том, что некоторые независимые (а может быть и зависимые — кто знает?), русскоязычные издания боятся публиковать критический материал о России. Есть уже и исследование на эту тему (*В.Крыловский. Эффект лавины. "РГ", № 1 2004*)**. На неугодные интернет-сайты, которые невозможно прикрыть, подавить, находящиеся вне России, равно как и нежелательным авторам, засылаются компьютерные вирусы** (*Н.Журавлев. Письмо в редакцию "РГ", № 1 2004*)**и подмётные письма с гэбэшными "никами" — чтобы парализовать работу, запугать, заткнуть рот. Но "видит око, да зуб неймёт". Именно поэтому экстерриториальный интернет, если находится в честных руках, здорово помогает делу.**

И вопрос: можно ли рассматривать существующую эмиграцию как одну из составляющих российского общества? Какова ее роль и Ваше к ней отношение? Говоря об эмиграции, я имею в виду, в первую очередь, эмиграцию национальную, религиозную, политическую, тех, кого выметали из России, и тех, которые бежали сами.

— Сейчас, после прихода Путина к власти, когда началась реставрация, и когда стало очевидно, что она происходит по воле большинства народа (хотя в программе “Демократического Союза” и есть пункт об отказе от эмиграции по морально-политическим соображениям), вобщем-то трудно осуждать людей, которые бегут с этой проклятой территории для того, чтобы хотя бы их дети могли иметь человеческую жизнь.

С девятнадцати лет я начала борьбу за свободу страны, и вот вижу к чему привели все усилия. Мне трудно осуждать людей за то, что они не хотят носить воду в решете и толочь ее в ступе. Хотя я буду продолжать это делать до самого конца, я уже не чувствую себя вправе призывать не покидать Россию и ее спасать. Потому что совершенно ясно, что она не хочет быть спасенной, и она изо всех сил хочет пойти на дно.

К сожалению, эмиграция во многом является сколом с существующего больного российского общества. Мне недавно позвонили из Праги совершенно шокированные коллеги-журналисты и сказали, что у них большинство тех, кто сохранил

российское гражданство, проголосовали в посольстве за “Родину” и “Единую Россию”…

— По-моему, в американской диаспоре однозначный взгляд на вещи — подавляющее большинство не приемлет путинскую Россию, они хотят видеть ее страной, которая не заставляет людей бежать оттуда куда глаза глядят. Что же касается чисто внешнего антуража, то начинаются игры. Скажу из собственной практики: в период войны в Ираке на мой журнал шли антиамериканские воззвания со многими подписантами, в частности, по электронным адресам, находящимся в США, Франции и т. д., иногда под иностранными именами.

Чисто организационно и технически это совсем несложно сделать — коллективные воззвания, подписи “нейтральных”, “незаинтересованных” лиц, лавинообразные послания с разных стран и континентов — как всё это знакомо и вместе с тем — как мерзко! Всё игры, игры. Так мне кажется. Поэтому никак не могу отнести это к действиям политической, национальной или религиозной эмиграции, которая хорошо знает цену властям предержащим.

— Что для Вас, как политика, наиболее важно в жизни? Иными словами, ради чего стоит жить такой тяжелой, сложной и опасной жизнью?

— Я не политик, я диссидент. Ну здесь уже речь идет о личной чести. Если невозможно спасти страну, то можно хотя бы облегчить существование этим 5 %, которые обречены пропадать в России. А все не могут эмигрировать, нас всех не примут, скажем, в США, не все получат такую возможность — уехать. Во-вторых, собственная честь, собственное достоинство. Я не могу уйти с этого поля боя. Я не могу порадовать тех, кто находится нынче у власти. Я не могу порадовать своих старинных врагов — КГБ. То есть, они будут иметь со мной дело до конца. Бывает безнадежная позиция, которую, тем не менее, нужно защищать. Здесь, если невозможно спасти страну, то можно, по крайней мере, отравить некоторые блюда на пире победителей.

— Валерия Ильинична, мне кажется, Вы не только не сможете принести радость опричнине своим уходом с политической арены, а можете сделать намного больше: Вы и немногочисленная группа Ваших сторонников мужественные люди, для многих из нас символ честной, справедливой России, какой ей и до́лжно быть в семье народов. От всего сердца — здоровья Вам, сил, отваги продолжать честную,

бескомпромиссную борьбу за судьбы россиян, а значит и всего мира, чтобы на вашей и на нашей улице был праздник. Храни Вас Бог!

24 декабря 2003 г. © *Геннадий Меш*
Чикаго-Москва.